

ему по-Латински»; «он по Греческого ни пула не знает». ²² Трудно судить, насколько справедлива эта критика. В кадетском корпусе Сумароков хорошо выучил французский и немецкий языки, и также учился итальянскому, но не занимался ни латинским, ни греческим языками, и нет прямых указаний на то, что он и впоследствии брался за их изучение. ²³ Косвенным доказательством его знакомства с подлинными текстами мог бы служить наш список, в котором девять изданий на латыни (или на греческом языке с латинским переводом). Но с другой стороны, все эти издания связаны тем или иным образом с высказываниями Тредиаковского и их полемикой.

Сумароков и Тредиаковский давно спорили по вопросам метрики и стихосложения. Их полемика касалась не только «Способа к сложению стихов» Тредиаковского (который появился в первом томе его «Сочинений и переводов» 1752 г.), но и его «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» 1735 г. Споры возобновились после появления статьи Тредиаковского «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» в июньском номере «Ежемесячных сочинений» 1755 г. Статья могла вызвать возражения со стороны Сумарокова не только из-за вопроса об античных метрах, но и из-за претензий Тредиаковского на приоритет в области русского стихосложения. Вместе со своими первыми анакреонтическими и сафическими одами, ²⁴ которые Сумароков явно писал именно как опровержение взглядов Тредиаковского, он представил в печать и «Письмо о сафической и гораціанской строфах» для июльского номера журнала. Академическое собрание, которое судило о содержании «Ежемесячных сочинений», предоставило Тредиаковскому право публично ответить на критику Сумарокова. ²⁵ Тредиаковский не упустил эту возможность и прочитал свое ответное письмо на заседании 19 июня. Хотя 12 июня академическое собрание уже одобрило Сумароковское письмо, теперь оно решило не допустить в печать ни письмо Сумарокова ни ответ Тредиаковского. ²⁶

²² Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке / Изд. А. Куник. СПб., 1865. Ч. 2. С. 496, 486.

²³ Материалы об образовании Сумарокова в кадетском корпусе содержатся в Центральном гос. военно-историческом архиве в Москве, ф. 314, оп. 1, д. 1643, л. 107 об. — 108 (1737 г.); ф. 314, оп. 1, д. 1629, л. 19 об., 22, 49, 62 и др. (1738 г.); ф. 314, № 1850, л. 22 об. (1739 г.).

²⁴ По П. Н. Беркову, его «Ода гораціанская» относится не к 1758 г., когда она появилась в «Ежемесячных сочинениях», а к осени 1754 г. — см.: *Сумароков А. П.* Избр. произведения / Под. ред. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 525 (Библиотека поэта, большая серия). Это еще раз указывает на то, что прямое соотношение произведения со временем его напечатания часто приводит к ошибкам.

²⁵ Протоколы заседаний конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 год. СПб., 1899. Т. 2 (1744—1770). С. 333.

²⁶ Там же. На наш взгляд и вопреки мнению П. П. Пекарского, обсуждение того, допустить или не допустить «эпистола» к печати, относилось не к «Эпистоле» Сумарокова («Желай, чтоб на брегах сих музы обитали»), которая появилась в августовском номере, а к его «Письму о сафической и гораціанской строфах». Недоразумение произошло оттого, что протоколы велись на латинском языке, в котором оба слова (эпистола и письмо) обозначены одним словом «epistola». См.: *Пекарский П.* История императорской Академии наук в Петербурге. Т. 2. С. 184.